

Татьяна Никитична Толстая (род. 1951 г.) – писательница, публицист, телеведущая. Окончила отделение классической филологии Санкт-Петербургского университета. В восьмидесятые годы начала работать корректором в издательстве «Наука». Первый рассказ Т. Толстой «На золотом крыльце сидели...» был опубликован в журнале «Аврора» в 1983 году.

Я начала читать с трёхлетнего возраста, то есть так мне говорили родители, а сама я этого, конечно, не помню. Читала всё подряд. Иностранным языкам меня начали обучать с пятилетнего возраста – сначала английскому, потом французскому, а после безуспешно – немецкому. Мои родители говорили свободно на трёх иностранных языках и считали, что и дети (а нас было семеро) тоже должны. Дети же так не считали.

Но от родительского принуждения деваться было некуда. Зимний вечер, темнота, только мы с сестрой наладились играть в куклы, – как вдруг звонок в дверь; сердце падает; из прихожей тянет холодом: пришла учительница французского, не заболела ни сапом¹, ни чумой, благополучно добралась. Вечер испорчен. Спряжения французских глаголов – ненавистную языковую алгебру – помню до сих пор.

Английский язык давался легче, а может быть, учительницы были нам милей, но «Алису в стране чудес», адаптированное издание², я терпела. «Матушку-гусыню» читали по-английски, хорошо помню свои чувства: зачем же на иностранном языке, когда по-русски можно лучше, ловчее, понятнее. Даже сами очертания латиницы мне не нравились: нарочно придумано, чтобы мучить человека. Мой отец, видя моё сопротивление и беспросветную лень, придумал заниматься со мной самостоятельно: час в день, летом ли, зимой ли, я должна была читать вслух под его руководством английскую либо французскую книжку. Это был замечательный ход: я должна была читать Агату Кристи³ (на обоих языках, чередуя их). Отец совершенно справедливо рассудил, что если все остальные стимулы и призывы к общей культуре, образованности и расширению горизонтов не действуют, то должно же подействовать примитивное любопытство: кто убил-то? Так я прочитала около восьмидесяти романов Агаты Кристи, к большому маминому неудовольствию, – она считала, что читать надо Шекспира и всякое такое. Когда к двенадцатилетнему возрасту я закончила первую дюжину⁴ «агатников», отец подарил мне наручные часы. В том смысле, что на них тоже двенадцать цифр. Я через две недели потеряла эти часы в дачном черничнике и горько рыдала, ползая в кустах до темноты, но так и не нашла. Часы потеряла, но время, как выяснилось, нет.

¹ Сап – тяжёлое инфекционное заболевание людей и животных.

² Адаптированное издание – издание, содержащее текст произведения, облегчённый для понимания малоподготовленным читателем.

³ Агата Кристи (1890 – 1976) – английская писательница, мастер детективного жанра.

⁴ Дюжина – двенадцать штук (в счёте однородных предметов).

Так меня мучали с пятилетнего возраста и до поступления в университет. По-русски я читала с удовольствием, а на иностранных языках – без особого интереса. В результате для меня зарубежная литература – это то, что написано латиницей, а русская – то, что написано кириллицей. Русскими книжками были в разное время: О. Генри, Эдгар По, Дюма (в первую очередь «Граф Монте-Кристо»), Марк Твен, Жюль Верн, Конан Дойль, «Приключения Гулливера»; весь Андерсен с лучшими на свете картинками Свешникова (вот помню!), сказки Топелиуса, сказки Шарля Перро, сказки братьев Grimm, сказки Гауфа, туркменские сказки, осетинские мифы, японские сказки... Самой же любимой книгой были «Мифы Древней Греции» Н. А. Куна: в свои пять лет я знала генеалогию⁵ всех олимпийских богов, всех героев и всех достойных упоминания простых смертных людей. Я и сейчас думаю, что это лучшая книга на свете, в ней есть всё: и ручьи, и моря, и корабли, и битвы, и колесницы, и плющ, и мирт, и лавр, и ласточки, и лабиринт, и зубы дракона, и страсти, и слёзы, и коварство, и любовь, и мужество, а главное – весь мир шелестит богами и наполнен их незримым, но несомненным присутствием.

Как-то раз мне попались в руки две книги Корнея Чуковского: «Живой как жизнь» – о русском языке и «Высокое искусство» – о переводе. Книги гениальные. Сейчас, «земную жизнь пройдя до середины», я благодарна ему бесконечно за то, что он, как никто, научил меня видеть и слышать слово. Книги Чуковского меня устыдили и поразили. Помимо понятного мне, любимого и пластичного, казалось бы, знакомого русского языка, передо мной открылись необозримые пространства других языков, тоже кем-то любимых, тоже гибких и сверкающих – от финского до киргизского. На всех этих наречиях люди пели, плакали, думали и объяснялись друг другу в сложных чувствах, писали сложные и прекрасные стихи – невероятно! Банальное открытие, но оно меня поразило. Вдруг стало стыдно своего невежества, лени. Вдруг стало понятно и то, что прекрасные книги, столь любимые мною, кто-то сочинил на своём невнятном для меня языке, а некто другой приклонил ухо, разобрал, понял и взял на себя тяжкий труд перевести, донести это до меня, переосмыслить, подобрать слова, сравнить, взвесить, чем-то пожертвовать, устроить и организовать, накрыть пиршественный стол, чтобы самому скромно уйти в тень примечания, отойти в сторонку, слиться с толпой.

Мне открылась вдруг сполна тяжесть каторжного труда переводчика, подвиг его, ничем практически не вознаграждаемый, мало кем ценимый, потаённый. Подобно Адаму⁶, он вынужден вновь и вновь давать имена вещам, предметам, понятиям чужого, тайно и буйно цветущего за оградой сада. Но сад меняется, отцветает, опадает, зарастает и глохнет, ускользает, превращается, преображается, отплывает кораблём от причала и растворяется в тумане, с нами же остаются лишь смутные очертания парусов да скрип снастей.

(По Т. Толстой)

⁵ Генеалогия – происхождение.

⁶ Адам – первый человек, сотворённый Богом, и прародитель человеческого рода.